

Проследить развитие ученого такого масштаба, каким является С.М. Каштанов, в одном кратком очерке невозможно. Он – гордость отечественной исторической науки, автор ок. 650-ти трудов (в том числе шести опубликованных к этому времени монографий)¹, крупнейший специалист по социально-экономической и политической истории России X-XVI вв., основатель особого направления в отечественной дипломатике (того, которое А.А. Зимин полушутя, полусерьезно назвал «каузально-хронологическим методом»²) и уникальной методики филиграноведческих исследований. Каштанов – выдающийся археограф, автор фундаментальных трудов по теории и методике источниковедения, дипломатике и актовой археографии. На протяжении нескольких лет (1995-2000) С.М. Каштанов возглавлял крупнейший в нашей стране научно-исследовательский центр по истории России в средние века и ранее новое время в Институте российской истории РАН. Он – один из немногих, кому удалось создать не только особое направление в науке, но и собственную научную школу. Сергей Михайлович Каштанов – член-корреспондент Российской академии наук, ученый-интеллигент, вызывающий уважение и восхищение не только своими трудами и талантом преподавателя, но и своей личностью. Любимый ученик А.А. Зимина, он унаследовал от своего учителя стремление активно делать добро и потребность в беззаветном рыцарском служении Клио. Мягкий, ранимый, немного застенчивый и медлительный, не очень защищенный в быту, он обладает страстным гражданским темпераментом и обостренным восприятием справедливости. Это человек с обычным для русского интеллигента гипертрофированным чувством вины и ответственности за происходящее.

В очерках подобных настоящему, обычно принято писать, что юбиляр находится в расцвете своих творческих возможностей и полон новых замыслов и идей. Все это справедливо. Однако мы попытаемся показать роль Каштанова в отечественной историографии диалектически, наметив основные этапы его жизненного и творческого пути и определив особенности каждого из них. Таких этапов мы условно выделяем девять.

Первый из них (1932-1949) – время детства и ранней юности (вплоть до окончания школы), в который формировалась личность С.М., складывалась его увлеченность гуманитарными дисциплинами. Определенного «настроя» на профессиональные занятия историей в тот период не было, хотя заметно проявлялась любовь к европейскому средневековью с его королями и герцогами³. Второй этап – 1949-1954 гг. – период обучения в Историко-архивном институте, завершившийся написанием (под руководством А.А. Зимина) объемистой дипломной работы. Это время становления С.М. как ученого-историка. Именно в этот период С.М. сделал выбор в пользу русского средневековья.

Третий этап – 1955-1962 гг. – связан с завершением кандидатской диссертации и поступлением С.М. на работу в Институт истории. Это время определения основных направлений исследования, осмысления своих задач в историографии. В этот период значительно расширился диапазон научного поиска С.М. Изучение дипломатики русского акта, теории и истории феодального иммунитета, уже ставшее важнейшим направлением его творчества, сочеталось с интенсивными занятиями в архивохранилищах, выявлением новых источников, исследованием проблем историографии, источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, публикацией летописей, разработкой проблем теории источниковедения.

Четвертый этап – 1963-1970 гг. Это время увлечения теорией и текстологией русского средневекового акта, историографией феодального иммунитета и жалованных грамот, а также теорией собственности. С.М. размышлял над разработкой методов дипломатической кодикологии – принципиально нового направления не только в отечественной, но и в мировой историографии. Увлеченно занимался не только русским, но и европейским актовым материалом. Углубленно и целенаправленно знакомился с проблемами зарубежной дипломатической историографии. Этот период оказался удивительно плодотворным: увидели свет две крупные монографии С.М.⁴, и была защищена докторская диссертация. Четвертый этап завершился изданием фундаментальных «Очерков русской дипломатики», определивших задачи и методы формулярного анализа для многих поколений отечественных и зарубежных историков. На этом этапе в полной мере раскрылось все своеобразие таланта С.М., сложилась его уникальная исследовательская манера.

Пятый этап – 1971-1976 гг. – время, когда С.М. вел интенсивную работу над изучением финансовой системы средневековой Руси. На этом же этапе С.М. увлекся проблемами исторической географии, связанными с изучением истории русского землевладения и земельно-иммунитетной политики русского правительства середины XVI в. в Казанском крае. Начались преподавательская деятельность С.М. и формирование его научной школы. Создавались авторские учебные курсы русской дипломатики, палеографии, сфрагистики и геральдики.

Шестой этап – 1977-1982 гг. – связан с предпринятой С.М. реконструкцией троицких копийных книг и разработкой принципиально новой методики филиграноведческих исследований. Им была прослежена связь рисунка водяных знаков бумаги с политической историей и идеологией стран Западной Европы XVI в. На этом этапе в трудах С.М. Каштанова впервые намечилось сравнительно-историческое направление. Оно вылилось в попытку сопоставления различных политических институтов, социального строя и канцелярской практики России XV-XVI вв. с меровингско-каролингским периодом в истории Европы. С этого времени компаративные исследования становятся важнейшей темой его творчества.

Седьмой этап (1983-1988 гг.) завершился изданием монографии о финансах средневековой Руси и первой части обобщающего труда по русской дипломатике⁵. Продолжились сравнительно-исторические и филиграноведческие исследования. Началась преподавательская деятельность С.М. в Историко-архивном институте. Тогда в полной мере проявилась его яркая одаренность преподавателя и человеческая щедрость. Вокруг С.М. и руководимого им научно-исследовательского семинара объединились ученики, составившие ядро его научной школы.

Восьмой этап – 1989-1996 гг. – связан с работой над историей русского акта X-XVI вв.⁶ Наряду с этим Каштанов увлеченно занимается проблемами исторической географии Казанского, Свияжского и Ростовского уездов, Дмитровского княжества, Муромского и Владимирского края в XV-XVI вв. Изучает записки англичан о России XVI в. Параллельно с общим курсом русской дипломатики в Историко-архивном институте разрабатывает и читает спецкурс «Записки иностранцев о России IX-XVI вв.».

Девятый этап – с 1997 г. по настоящее время. С.М. Каштанов интенсивно работает над разными аспектами дипломатического и источниковедческого исследования. Он издает фундаментальную монографию, посвященную теории и практике актов археографии у нас в стране и за рубежом⁷. Им готовится к печати древнейшая посольская книга по связям России с греческим миром в XVI в.⁸ С.М. пишет обобщающие труды по истории канцелярий средневековой Руси X-XVI вв. и теории и историографии феодального иммунитета⁹. Это время особого увлечения С.М. археографией, разработкой правил и методов издания исторических источников. На этом этапе С.М. Каштанов, как бы пройдя очередной виток по спирали, возвращается ко всему кругу проблем, волновавших его в течение жизни. Он интенсивно занимается дипломатикой, компаративным источниковедением, филиграноведением, исторической географией. Все большее внимание уделяет проблемам дипломатической кодикологии и палеографии.

Касаясь первого этапа жизни С.М., необходимо сказать о его родителях и семье. С.М. Каштанов родился 29 января 1932 г. в Ленинграде, в семье военного инженера Михаила Филипповича Каштанова. Его мать Инна Сергеевна была дочерью придворного художника-медальера. С золотой медалью окончив женскую гимназию А.П. Шуйской, она мечтала о поступлении на филологический факультет Петроградского университета. Однако учеба не состоялась: дочь надворного советника, она опасалась заполнения анкет чтобы не навредить своему брату Павлу Сергеевичу («Павлуше»), тогда студенту Политехнического института, скрывавшему свое происхождение. К тому же после революции у Инны Сергеевны не оказалось обуви, годной для ежедневного хождения в университет. Тем не менее, она была прекрасно образована. Великолепно знала русскую классическую литературу, боготворила Пушкина. Уже в глубокой старости, слепая, она великолепно декламировала выученные в юности пушкинские строки. Свободно владела французским и немецким языками. Знала латынь. Именно она научила своего сына писать сочинения по литературе. Ее легкий слог и

художественный вкус, несомненно, передались С.М. Каштанову, литературный стиль научных трудов которого безупречен.

Михаил Филиппович – сын крестьянина, приехавший в Петроград учиться. В юности он был активным комсомольцем, а затем – убежденным членом партии. Впоследствии Михаил Филиппович защитил кандидатскую диссертацию и был доцентом кафедры электрооборудования танков и мастерских Академии бронетанковых сил им. И.В. Сталина (затем – им. П.А. Ротмистрова). Всю жизнь увлекался философией, политэкономией и иностранными языками. Собрал хорошую библиотеку по гуманитаристике. Они познакомились в общежитии Политехнического института в начале 1920-х годов, где Михаил Филиппович тогда учился вместе с братом Инны Сергеевны. Это был брак по огромной взаимной любви. Именно такой, от которой рождаются талантливые и красивые дети.

С.М. был долгожданным и бесконечно любимым ребенком. Он появился на свет, когда его матери было 34 года. Бабушка С.М. Вера Львовна, обладая незаурядными филологическими способностями и владея множеством иностранных языков, привила любовь к ним не только всем пятерым своим детям, но и внуку. Уже в детстве С.М. свободно говорил по-французски. Его воспитанием занималась преподавательница, долго жившая в Париже и обучавшая его языку.

Ленинградский период жизни С.М. был недолгим. Его оборвала война. В августе 1941 г. С.М. вместе с матерью, бабушкой и маленькой сестрой Лидой был эвакуирован из блокадного Ленинграда в Сибирь. Почти месячный переезд по железной дороге завершился в г. Ишим с дальнейшим следованием на подводах в д. Татарск Абатского района Омской области. Позднее семья переехала в Томск. Дорога в Сибирь запомнилась С.М. не как нечто тяжелое и мучительное, а как интересное приключение. Девятилетний ребенок так привык к железнодорожному путешествию, что потом не мог свыкнуться с неподвижностью оседлой жизни: перед глазами еще долго мелькали дома и деревья, видимые им в течение месяца сквозь окно поезда.

Сибирская эпопея была тяжелой: голод, холод, постоянная нужда. Сергей Михайлович вспоминает, что во время их жизни в деревне он обучился править лошадей, запряженной в телегу. В Томске его иногда отправляли на рынок продавать хлеб из военного пайка (семья отчаянно нуждалась). Однажды «коммерческая» деятельность окончилась весьма печально: в сибирский мороз с головы ребенка кто-то жестоко сорвал шапку, и он сильно замерз. В деревне С.М. снова начал посещать школу, и именно тогда о нем, третьекласснике, молоденькая учительница сказала: «А вообще-то он будет историком». Впрочем, тогда она жаловалась Инне Сергеевне, что ее сын «смешит класс»¹⁰. Видимо, дар «смешить», ослепительный юмор и талант дарить людям радость и чудесное настроение, в нем тоже заложены смолоду.

Отец С.М., всю войну рвавшийся на фронт, продолжал преподавать электротехнику в эвакуированной в Томск Академии. Зимой 1944 г. умерла бабушка С.М. Вера Львовна. Могила ее в Томске не сохранилась. Летом 1944 г. семья Каштановых ненадолго вернулась в Ленинград. Тогда в голодном обезлюдевшем после блокады городе пригодилось знание Инны Сергеевны немецкого и французского языков. Она устроилась на работу в фонды военной библиотеки Академии связи им. С.М. Буденного, приводя в порядок картотеку иностранной литературы. Время оказалось страшным. Кроме голода и уже привычной нужды навалилась тяжелая болезнь маленького С.М. Восстанавливаясь, он сильно отстал от школы. Впервые в жизни ему пришлось переживать, что ему никак не дается любимый английский. Чудо спасло и маленькую Лидочку: однажды она отправилась «погулять» на крышу...

Зимой 1945 г. в связи с переводом отца С.М. на работу в Высшую офицерскую школу семья Каштановых оказалась в Казани. С.М. продолжил учебу в средней общеобразовательной школе № 2 (прежде – знаменитая Вторая казанская мужская гимназия). Этот период своей жизни С.М. вспоминает теперь как один из самых счастливых, подаривших замечательных друзей, оставшихся таковыми на всю жизнь. Конец 1940-х годов связан с благодарной памятью С.М. об учителях: химике П.В. Мартынове, «историчке» О.М. Николаевой и словеснике А.С. Петровой¹¹. В эти годы С.М. страстно увлекался школьным театром. Вместе

со своим ближайшим другом А. Литвиным он осуществил постановку «Мещанина во дворянстве» Мольера и «Предложения» Чехова. Естественно, что в этих спектаклях главные роли достались «режиссерам». Каштанов выступал в амплуа «характерного» актера (Журден в «Мещанине» и Чубуков в «Предложении»), Литвин же играл женихов и первых любовников (Клеонт и Ломов)¹². Обе пьесы С.М. до сих пор помнит наизусть и с удовольствием при случае цитирует.

В 1949 г. С.М. с серебряной медалью окончил общеобразовательную школу и несколько раньше – детскую художественную школу. Завершение учебы в Казани совпало с переездом семьи в Москву: М.Ф. Каштанов был переведен на работу в Академию бронетанковых сил. С.М. уже с юности проявлял незаурядные творческие способности: склонность к актерству, любовь к рисованию и писанию стихов. С.М. мечтал быть актером, потом – писателем. Всерьез думал о карьере дипломата (сказывалась еще детская страсть – любовь к языкам). Но он стал выдающимся историком.

Переезд в Москву С.М. воспринял без восторга. Скорее, это была первая юношеская трагедия, крах дружбы, путешествие в чужой город, представлявшийся холодными каменными джунглями: «Я очень переживал разлуку. После каждого нового, весьма кратковременного приезда Литвина в Москву мне слышался его голос в голосах других людей, и тоска забиралась в сердце...»¹³. Летом 1949 г. Каштановы поселились в Краснокурсантском проезде в Лефортово, в офицерском доме № 2/5, вблизи Академии бронетанковых сил. Здесь семья прожила до 1958 г., когда Михаил Филиппович получил отдельную квартиру в доме № 10 на соседней Красноказарменной улице. С.М. без экзаменов (как медалист) был принят на первый курс Московского государственного историко-архивного института. Начался второй этап его жизни.

Знакомство С.М. с древнерусской историей началось с семинара по Русской Правде, который в первом семестре 1949/50 г. блистательно вел Владимир Терентьевич Пашуто. Во втором семестре за преподавательской кафедрой его сменил Сигурд Оттович Шмидт. В его семинаре студентами готовились и обсуждались доклады по истории народов СССР с древнейших времен и до начала XIX в. Первым опытом самостоятельной научной работы С.М. стал доклад о «Хожении за три моря» Афанасия Никитина, подготовленный именно в этом семинаре. С.О. Шмидт поражал особой утонченной интеллигентностью, склонностью к широким историческим обобщениям и мягкой, но яркой преподавательской манерой. В 1950 г. С.М. впервые пришел в созданный Шмидтом студенческий научный кружок источниковедения и остался в нем на всю жизнь. Первым докладом Каштанова в этом кружке стало сообщение об источниковедении «Записки о древней и новой России» Н.М. Карамзина. По мнению самого С.М., «первый блин» оказался «комом»: доклад был хорошо начат, но не имел конца, поэтому эпилог оказался несколько конфузным¹⁴.

Об огромном воспитательном и нравственном значении кружка источниковедения уже много писалось¹⁵. В нем царил атмосфера не только увлеченного научного поиска, но и чарующей радости и дружбы. Юношеские привязанности с годами превратились в настоящее мушкетерское братство. Считая себя истинным «зигуридом»¹⁶, С.М. любит повторять: «Все мы вышли из шмидтовской шинели».

На втором курсе С.М. оказался в студенческой группе, в которой занятия по дипломатике вел в 1950/51 г. тогда еще совсем молодой доцент Александр Александрович Зимин¹⁷. Эта встреча определила всю дальнейшую человеческую и творческую судьбу С.М. Любовь к А.А. Зимину и благодарную память о нем С.М. навсегда сохранил в своем сердце. Будучи студентом второго курса, с легкой руки Зимина, С.М. начал посещать рукописный отдел Ленинской библиотеки (ныне РГБ). Зимин назначил там Каштанову встречу и предложил на выбор две темы – акты Беляева и жалованные грамоты XVI в.¹⁸ Выбрав вторую, С.М. впервые принялся за изучение копийных книг Троице-Сергиева монастыря, впрочем, совершенно не предполагая, что это занятие на всю жизнь.

В семинаре А.А. Зимина С.М. Каштанов работал над изучением русского актового материала, сосредоточив преимущественное внимание на жалованных и указных грамотах XVI в. Первый его доклад, основанный на архивных материалах, Зимин «разнес ... на глазах у ребят,

раскрывших рты от удивления»¹⁹. Однако уже тогда было ясно, что у докладчика «большое будущее», а разнос, устроенный ему Зиминим, носил скорее воспитательный характер: «...нужно было у него сразу снять все возможные напластования (честолюбие, самоуспокоенность, самодовольство и т.п.)»²⁰. То ли зиминская «профилактика» подействовала, то ли в полной мере проявились врожденные качества С.М., но он был и остается человеком, начисто лишенным самовлюбленности и самолюбования. Скорее, он вечно недоволен собой и полон в отношении себя уничтожающей критики.

Доклад в семинаре Зимина был первым шагом С.М. в работе над дипломным сочинением. Его предметом стали жалованные и указные грамоты как источник по истории феодального иммунитета в период правления Василия III и Ивана Грозного. Тогда же С.М. принялся за составление своих знаменитых таблиц, приведших его к формулировке понятий «абстрактный» и «конкретный» формуляр: «Работа с грамотами, где часто повторяются одни и те же формулы в разных комбинациях, предопределила составление обширных таблиц, «шапка» которых представляет собой как бы «свод» типичных клаузул и типичных формул. Позднее я назвал такой «свод» абстрактным формуляром»²¹.

А.А. Зимин уделял огромное внимание архивным поискам своих питомцев. По окончании третьего курса, летом 1952 г. С.М. в обществе А.А. и его супруги Валентины Григорьевны отправился в Ленинград. Ему предстояло познакомиться с рядом документов в ЛОИИ и Отделе рукописей Публичной библиотеки (ныне – РНБ), согласно примерному списку архивных фондов, составленному Зиминим. Разумеется, в процессе самостоятельной работы «список» сильно расширился. Впоследствии С.М. стал завсегдатаем читального зала Архива древних актов, отдела рукописей ГИМ, других архивохранилищ. С особым чувством он вспоминает рукописный отдел Ленинки времен заведывания С.В. Житомирской. В нем царил обстановка удивительной доброжелательности, уважения к исследователю и благоговейного отношения к документу, способствовавшая каждодневной плодотворной работе.

Большое влияние на формирование личности С.М. как ученого оказал также блистательный Н.П. Ерошкин. На втором курсе Каштанов даже «выбирал» между ним и Зиминим, пытаясь определить направление своих тогда еще студенческих занятий. Выбор в пользу Зимина с достаточной определенностью был сделан только после того, как Николай Петрович отказался быть руководителем темы по древности: «...Ерошкин привлекал своей яркой личностью, но не периодом»²².

Определенное влияние на С.М. как историка оказали лекции В.К. Никольского (по истории древнего мира), А.А. Новосельского (по истории СССР), М.М. Себенцовой (по истории западного средневековья), В.К. Яцунского (по исторической географии), В.Е. Иллерицкого (по историографии). Из них он вынес любовь к проблемам методики исторического исследования и крупным историческим обобщениям. Они развили его кругозор, привили уважение к историческому факту, побудили задуматься о месте России во всемирной истории. По части методики источниковедения оказались полезными лекции А.Ц. Мерзона и М.Н. Черноморского, а по архивоведению – таких метров истории, теории и практики архивного дела, как И.Л. Маяковский, В.В. Максаков, А.В. Чернов, К.Г. Митяев, Н.В. Бржостовская. Произвели впечатление яркие лекции Е.А. Луцкого и Л.М. Зак по истории советского общества.

В 1953 г. на студенческой научной конференции в Историко-архивном институте Каштанов сделал доклад об иммунитетной политике Избранной рады. Это была часть его будущего дипломного сочинения. Доклад С.М. (в числе других лучших) был отправлен на Московский городской конкурс студенческих работ. Каштанов занял на нем третье место (первого удостоилось исследование по советской тематике). В том же году появилась его первая научная публикация: по предложению Зимина он подготовил к печати Отдаточные книги Троице-Сергиева монастыря 1649-1650 гг.²³

В 1954 г., блистательно защитив дипломную работу, С.М. с отличием окончил институт по кафедре вспомогательных исторических дисциплин. Защита 26 апреля превратилась в настоящий триумф молодого исследователя. В дипломной работе Каштанова удачно соединились источниковедческий анализ и исторический синтез. Ему удалось значительно

расширить источниковую базу по политической истории России XVI в., которая прежде изучалась «...по Судебнику 1497 г., уставным грамотам, да по летописям»²⁴. В частности, Каштанов обратился к изучению Книги ключей Иосифо-Волоколамского монастыря, которая рассматривалась им как важный источник по истории иммунитета в России XVI в. Систематическое исследование жалованных и указных грамот XVI в. с позиций дипломатического анализа привело С.М. к глобальным выводам относительно внутренней политики правительств Василия III и Ивана Грозного, позволило вплотную подойти к таким краеугольным понятиям в истории средневековья, как феодальная собственность и иммунитет. Вторая часть исследования содержала хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в., выявленных автором в архивах и по предшествующим публикациям²⁵. Впоследствии перечень был значительно расширен и уточнен (см. ниже). В целом дипломная работа С.М. в методическом смысле была навеяна классической монографией Л.В. Черепнина о русских феодальных архивах²⁶. Она явилась для Каштанова тем маяком, который светит ему всю жизнь, ориентиром, по которому он до сих пор равняет свои построения историка, источниковеда и дипломатиста.

Оба официальных оппонента С.М. – А.Т. Николаева и С.О. Шмидт – оценили его дипломную работу как готовую кандидатскую диссертацию. Впервые в истории Института кафедра обратилась в Ученый совет с ходатайством принять дипломную работу своего выпускника «...к защите в качестве диссертации»²⁷. К сожалению, эта инициатива не имела продолжения. Впоследствии (уже после защиты) с дипломным сочинением Каштанова ознакомился Л.В. Черепнин, дав на него весьма лестный отзыв.

В том же 1954 г. С.М. Каштанов поступил в очную аспирантуру МГИАИ. Третий этап в его творческой биографии начался с подготовки кандидатской диссертации. Здесь проявилась еще одна органически присущая С.М. черта – полное отсутствие самоуспокоенности. Казалось бы, им написана блестящая работа, получившая самые высокие оценки специалистов и вполне готовая к защите. Однако научный поиск для С.М. безграничен. Он сам определяет для себя очередную высокую планку, все более увлекаясь исследованием и погружаясь в завораживающие своей неисчерпаемостью глубины источника. «Глубже, дальше!» – лозунг С.М. на всю жизнь. Практически все сюжеты, к которым он в то или иное время обращался в своем творчестве, становятся его постоянными спутниками. Для него не существует исследования, в котором можно поставить точку.

В середине 1950-х годов Зимин привлек С.М. к участию в издании «Памятников русского права». В рамках этой серии Каштанов подготовил к печати ряд жалованных и указных грамот и частных актов XIV-XVII вв., составил подробный историко-правовой обзор к иммунитетным актам XIV-XVI вв.²⁸, а также актам феодального землевладения и хозяйства первой половины XVII в.²⁹ Для «Очерков истории СССР» в 1955 г. С.М. пишет части глав о финансах России XVI в.³⁰ – теме, к которой он будет возвращаться на разных этапах своего творчества. Несколько позднее (1961) он публикует статью о проявлении в иммунитетных грамотах первой трети XVI в. финансовой политики Русского государства³¹.

В 1956 г. из печати вышла его первая работа, посвященная источниковедению копийных книг Троице-Сергиева монастыря XVI в. В ней отразился начальный этап увлечения С.М. дипломатической кодикологией, был очерчен круг проблем, к детальной разработке которых он обратится позднее³².

В 1956 г. по рекомендации Зимина С.М. Каштанов был принят в Институт истории АН СССР в должности младшего научного сотрудника и в связи с устройством на работу перешел в заочную аспирантуру МГИАИ. С 1956 по 1963 г. он был сотрудником Сектора источниковедения и публикации источников дооктябрьского периода, руководимого А.А. Новосельским. В 1960 г. его женой стала сотрудница того же сектора Л.З. Мильготина.

Основной плановой темой в конце 50-х – начале 60-х годов в Институте истории для Каштанова стала подготовка к печати под руководством А.Н. Насонова двух ранее не публиковавшихся сокращенных летописных сводов 1493 и 1495 гг. Летописи, несомненно, несколько отвлекли С.М. от любимых грамот, однако значительно расширили его исследовательский кругозор. Чрезвычайно полезным было и общение с Насоновым –

крупнейшим летописеведом, беззаветно преданным своему делу. Подготовка сводов 1493 и 1495 гг. стала для молодого ученого прекрасной археографической и источниковедческой школой. Эта работа заложила фундамент для подготовки им к изданию ряда важнейших источников по социально-экономической и политической истории России XIV-XVII вв.

Во второй половине 50-х – начале 60-х годов С.М. продолжает усиленные занятия дипломатикой. В 1956 г. он публикует статью, посвященную вопросам классификации жалованных грамот по разновидностям. Разрабатывает терминологию и уточняет определение разновидностей иммунитетных актов XVI в. в связи с их происхождением и содержанием. Значительное место в этой работе посвящено определению тарханских грамот. С.М. приходит к выводу о том, что тарханскими могут называться только те акты, которые содержат статьи об освобождении от прямых налогов и главных таможенных пошлин³³.

Развивая проблемы, затронутые еще в дипломной работе, и в порядке подготовки диссертации, С.М. пишет исследования об истории последних уделов (1957), об ограничении феодального иммунитета в первой трети XVI в. (1958), о внутренней политике правительства Елены Глинской (1959), иммунитетной политике периода боярского правления (1960), о внутренней политике Ивана Грозного в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича (1961)³⁴. Этот исследовательский цикл поражает читателя новаторским подходом в определении этапов иммунитетной политики и политических мотивов пожалований. С.М. шаг за шагом проследил конкретную историю феодального иммунитета в России XVI в., выявил периоды, в которые щедрые пожалования сменялись значительным сокращением в них.

Проблема анализа жалованных грамот XVI в. как источника по истории феодального иммунитета и местного управления в России и предложенная Каштановым реконструкция политических мотивов их выдачи вызвала возражения со стороны крупного ленинградского исследователя Н.Е. Носова (1962). Он считал, что жалованные акты выдавались, в основном, в силу традиции или по экономической надобности. Не занимаясь конкретной текстологией жалованных грамот, Носов исходил из общепринятого представления о «шаблонности» их формуляра, тогда как установить обычность или необычность той или иной грамоты можно только на основании сравнительного анализа ее текста. Носов считал, что реконструкция политических мотивов выдачи жалованных актов невозможна еще и потому, что источники сохранились лишь частично. Он совершенно не брал во внимание тот факт, что вне зависимости от сохранности актового фонда Руси каждая из грамот была продуктом вполне определенных обстоятельств, нуждающихся в исследовании. Точка зрения Носова в конечном итоге сводилась к тому, что по жалованным грамотам можно изучать лишь отдельные факты экономической и политической жизни, не пытаясь реконструировать общий курс иммунитетной политики³⁵. Позиция Носова вызвала резкую критику со стороны Зимина, справедливо считавшего, что она ведет к утверждению иллюстративного метода в историографии и отказу от методов дипломатики как вспомогательной исторической дисциплины³⁶.

В 1958 г. С.М. Каштанов защитил кандидатскую диссертацию. По сравнению с дипломным сочинением исследовательская часть его диссертации значительно увеличилась. С.М. написал главу о политической истории последних уделов, значительно доработал исследование об иммунитетной политике правительства Елены Глинской, расширил историографический очерк³⁷. Диссертация получила блестящие отзывы оппонентов (Л.В. Черепнина и А.М. Сахарова) и единогласную поддержку членов Ученого совета, однако долго не утверждалась в ВАКе. Как выяснилось позднее, исследование С.М. и диссертация о китайских коврах вызвали у членов Аттестационной комиссии сомнения в их актуальности.

В тот же период по инициативе А.А. Зимина С.М. начинает издание важнейшего справочника по истории феодального иммунитета – хронологического перечня русских жалованных и указных грамот XVI в. (1958, 1962)³⁸. По сравнению с дипломной работой, перечень был значительно расширен. В нем приводились уточненные заголовки жалованных актов, отработанные в статье 1956 г. (см. выше), давались сведения о дьяках, боярах и казначеях, участвовавших в выдаче грамот, публиковались данные о позднейших подтверждениях. В своем перечне автор стремился к максимальному учету как сохранившихся подлинников, так и списков иммунитетных грамот, а также публикаций и упоминаний в литературе каждой из

них. В этом, как и в других трудах С.М., проявилась его безукоризненная щепетильность и исследовательская честность, основанная на осознании преемственности достижений разных поколений историков и уважительном отношении к своим предшественникам. Исчерпывающие библиографические ссылки – характерная черта всех без исключения трудов С.М. В настоящее время без хронологического перечня Каштанова не обходится ни один исследователь и публикатор актового материала XVI в.

Во второй половине 1950-х годов по инициативе А.А. Зимина С.М. вел работу по изучению истории источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, где определил основные направления в развитии палеографии, дипломатики, генеалогии, исторической хронологии и источниковедения в России середины XIX в. – начала XX в. (до 1917 г.). Подобного рода исследования потребовали от С.М. освоения и осмысления огромной литературы, углубили вкус к историографии, раздвинули горизонты его научных интересов. Основательно сокращенными, историографические статьи С.М. (кроме работы о генеалогии в России) были опубликованы в «Очерках истории исторической науки» (1960, 1963)³⁹.

На этом же этапе С.М. Каштанов увлекся проблемами теории источниковедения. Размышления на эту тему были сформулированы в статье, написанной им в соавторстве с А.А. Курносовым и оформленной в виде рецензии на книгу В.И. Стрельского. Статья содержала постановку ряда теоретических проблем: вопрос об определении происхождения и видовой принадлежности исторических источников, о принципах их классификации по родам и видам и пр. Статья вызвала бурную дискуссию, в которой приняли участие такие корифеи источниковедения, как Л.В. Черепнин, А.А. Новосельский, Е.А. Луцкий и др. Материалы обсуждения концепции Каштанова-Курносова опубликованы вместе со статьей в одном из выпусков «Исторического архива»⁴⁰.

Третий этап жизни и творчества С.М. связан с большой личной трагедией. 19 июля 1962 г., не дожив двух дней до своего шестидесятилетия, от неизлечимой болезни легких скончался его отец М.Ф. Каштанов.

В 1963 г. в связи с расформированием сектора источниковедения А.А. Новосельского С.М. Каштанов перешел на работу в Сектор истории СССР периода феодализма. В 1950 – 1977 гг. им руководил Л.В. Черепнин⁴¹. В этом секторе (с 1992 г. он назывался Центром истории России в средние века и раннее новое время) С.М. проработал вплоть до его расформирования по инициативе дирекции ИРИ РАН в июне 2000 г. Начался четвертый этап в творчестве Каштанова.

В 40-е – 70-е годы сектор феодализма был выдающимся учреждением, в котором работал цвет тогдашней исторической науки. В 1963 г. С.М. Каштанов оказался молодым членом ученого сообщества, ведущую роль в котором играли Л.В. Черепнин, А.А. Зимин, В.Т. Пашуто, Н.В. Устюгов, А.И. Клибанов. В секторе работали такие выдающиеся исследователи, как Е.Н. Кушева, Е.И. Заозерская, Е.И. Дружинина, Н.Г. Аполлова, Н.И. Павленко, А.А. Преображенский, Г.А. Некрасов, Е.И. Индова, Ю.Р. Клокман, А.И. Юхт, С.М. Троицкий и др. Несколько позднее в него пришли Н.А. Горская, Н.Ф. Демидова, М.А. Рахматуллин. В конце 50-х – начале 60-х годов в нем расцвел талант Е.И. Колычевой, Н.В. Сеницыной и А.Л. Хорошкевич; чуть позже в секторе феодализма появились В.Д. Назаров и Е.Н. Швейковская. Заседания сектора Черепнина нередко превращались в собрания научной общественности Москвы, к организации которых немало усилий и сердечной теплоты приложила технический секретарь М.М. Зайцева. Атмосфера доброжелательности, раскованности и страстных академических дебатов немало способствовала научному росту С.М. Она навсегда оставила в нем благоговейную память о людях, с которыми свела его счастливая судьба и общение с которыми так много подарило ему в научном и нравственном отношении.

В 1963-1964 гг. и позднее, в тяжелое для А.А. Зимина время, связанное с дискуссией вокруг его монографии о «Слове о полку Игореве», С.М., как мог, старался поддержать своего учителя. Об этом периоде своих отношений с Каштановым Зимин вспоминал с благодарной теплотой: «В самую тяжелую минуту «Слова» Сергей Михайлович был одним из немногих, кто старался облегчить мое единоборство. Он перевел, в частности, всю статью Якобсона против

Мазона (и сложную, и большую). И вообще для меня он сделал так много (и пытаюсь подготовить библиографию зарубежной литературы к изданию, и в большом, и в малом)»⁴².

В 1963-1970 гг. С.М. продолжил изучение ключевых проблем социально-экономической и политической истории России X-XVII вв. и прежде всего феодального иммунитета. Основное внимание он сосредоточил на исследовании причин появления иммунитетных жалованных и указных грамот 1492-1584 гг., формирования сословного строя в России, судеб церковно-монастырского и светского иммунитета, а также отмене тарханов в 1575/76 г.⁴³ В 1963 г. С.М. пишет статью об опричной политике Ивана Грозного. Каштанов приходит к выводу (возможно, несколько преувеличенному), что в социальном отношении опричная политика усилила закрепощение крестьян. Главная же заслуга автора – в доказательстве антиудельной направленности опричнины. Кроме того, С.М. блестяще показал, что в 60-е – начале 70-х годов XVI в. был разрушен (в пользу монастырей) союз царской власти с городами. В этот период некоторые привилегированные монастыри значительно выиграли в имущественном отношении в результате щедрых государевых пожалований⁴⁴.

В 1963 г. С.М. опубликовал свое исследование об обнаруженном им в Отделе рукописей ГБЛ самом раннем в России чертеже земельного участка (XVI в.)⁴⁵